

ции охотников на крупных наземных млекопитающих приледниковой тундры в палеолитическую эпоху.

Не менее важны аналогии подобного рода при изучении проблемы оседлости охотничьего населения, устойчивости крупных коллективов, а главное проблем, связанных с получением и использованием избыточной продукции в эпохи изобилия пищевых ресурсов, когда у древних охотников высвобождались значительные периоды времени для индивидуального и коллективного творчества. Если дальнейшие исследования подтвердят чисто ритуальный (а не производственно-социальный) характер сооружений Китовой аллеи, то это будет весьма важный шаг на пути к новой интерпретации гигантских пещерных подземных галерей петроглифов и скульптурных изображений, созданных первобытным человеком в других районах мира. Чрезвычайно перспективным представляется и другое направление поиска аналогий: сравнение сооружений Китовой аллеи с первобытными монументальными архитектурными комплексами, которые многие исследователи в последние десятилетия стремятся увязать с разного рода астральными культурами и практикой первоначальных астрономических наблюдений.

«Исследования Китовой аллеи продолжаются...» (с. 164). Эта, казалось бы, обычная фраза, завершающая монографию, открывает широчайший простор для дальнейших наблюдений и выводов. Оценивая в целом монографию «Китовая аллея», прежде всего следует отметить творческий и разнообразный подход авторов к избранному объекту исследования, их большую целеустремленность и увлеченность, а главное, намеченные ими широчайшие перспективы дальнейшего поиска.

П. М. Кожин

НАРОДЫ АФРИКИ

С. Б. Чернецов. Эфиопская феодальная монархия в XIII—XVI вв./Отв. ред. Д. А. Ольдерогге. М.: Наука, 1982. 308 с.

Монография С. Б. Чернецова в значительной степени заполняет тот пробел в наших знаниях о развитии феодализма на Востоке, который до сих пор составляла Эфиопия. Важность и актуальность исследования несомненны. Оно представляет не только академический, но и практический интерес. Ведь многие политические, этнические, социальные и культурные проблемы сегодняшней Эфиопии коренятся в ее недавнем феодальном прошлом. Без изучения феодализма и всех его институтов в Эфиопии в их взаимодействии невозможно выявить ни общие закономерности исторического процесса в этой стране, ни его своеобразие.

Хронологически работа ограничена рамками XIII—XVI вв., т. е. периодом относительно раннего развития эфиопского феодализма. Вопрос о генезисе феодализма в Эфиопии обрисован лишь в общих чертах во введении. Автор объясняет это крайней скудостью источников по Аксумскому периоду (I—VIII в. н. э.), к которому восходят истоки эфиопского феодализма. Представляется, однако, что дело здесь не только в скудости источников, но и в их специфике. Исследователи Аксумской цивилизации в первую очередь опираются на данные археологических раскопок, эпиграфики и нумизматики. Аксумистика превращается в особую отрасль востоковедения со своими методами исследования, требующими и соответствующей подготовки. То обстоятельство, что автор ограничил свою работу указанными хронологическими рамками, только делает честь его научной добросовестности.

Вместе с тем положение автора о том, что ростки феодальных отношений появились уже в аксумские времена вдоль караванных путей, находившихся под прямым контролем аксумских царей и их наместников (с. 6), представляется плодотворным и перспективным, хотя и требует еще дальнейшей разработки и более подробного обоснования.

На бывшей аксумской периферии развитие объективно пошло феодальным путем, путем внеэкономического подчинения местного земледельческого населения (в основном агау по этнической принадлежности). Это обстоятельство прекрасно объясняет, почему и после крушения Аксума эфиопское общество, отрезанное от побережья и торговли по Красному морю, не утратило ни своей государственности, ни своей культуры, ни своей религии.

В истории раннефеодального государства, образовавшегося к XII в. в районе южного Тигре, при династии загвеев, многое еще остается неясным. Но сущность исторического процесса, протекавшего в период правления загвеев, изложена автором убедительно: постепенная апроприация царями этой династии свободных общинников, обращение их в христианство, постепенная монастырская колонизация лежавших к югу земель (в областях Амхара и Шоа), возникновение и быстрое развитие мусульманских торговых городов-государств вдоль караванного пути, тянувшегося из глубины континента к Аденскому заливу. То, что «экономические преимущества оказались на стороне юга», слабо контролировавшегося загвейской династией, обусловило в конечном счете, по мнению автора, скорое падение загвеев.

Более подробно и аргументированно изложена в книге история развития феодализма с конца XIII по XVI в. включительно. Объясняется это в первую очередь наличием значительно большего количества нарративных источников, как эфиопских, так и иностранных. Это и эфиопские «царские хроники» XIV—XVI вв., и монастырские хронографы, и жития святых, и сообщения европейских путешественников, прежде всего наблюдательного и словоохотливого духовника португальского посольства 1520—1527 гг. в Эфиопии Франциску Алвариша.

Разумеется, эти источники, как замечает автор, «сосредоточивают свое внимание преимущественно на придворной или монастырской жизни» (с. 5), давая сведения главным образом о верхушке эфиопского общества. И здесь нужно отдать должное автору исследования. Он не только владеет источниками во всей их полноте, но и умеет тонко понять их, оценить иногда с совершенно неожиданной стороны и критически осмыслить.

В главе «Укрепление власти и расширение державы новой династии потомков Йекуно-Амлака (конец XIII—первая половина XIV в.)», открывающей основной текст книги, автор подробно рассматривает процесс быстрого расширения Эфиопской державы при новой династии «соломонидов», сменившей загвейскую в 1270 г. Столкновение со встречной мусульманской экспансией объяснялось прежде всего стремлением эфиопских царей обеспечить контроль над торговыми путями, заставить местных мусульманских правителей признать свою вассальную зависимость, выражавшуюся в выплате дани и признании верховной власти эфиопских царей. Затяжная и упорная борьба между «христианством и исламом» в районе Африканского Рога, объясняемая обычно религиозным противоборством, получает у С. Б. Чернецова убедительное социально-экономическое объяснение. Много внимания уделяет он здесь и вопросам внутренней реорганизации Эфиопской державы, развития феодальных отношений вглубь за счет укрепления вассалитета. Господствующим видом вознаграждения за службу становятся земельные пожалования, два типа которых (*рыст* и *гуальт*) четко описаны в монографии. Особо следует отметить вскрытый автором факт довольно длительного сосуществования вассалитета (царские полки и военачальники) и вассалитета без ленных отношений (местная знать, которая, выплатив дань, чувствовала себя практически независимой от центральной власти). Большое значение имело отмеченное в книге наличие «царского домена» (с. 34), состоявшего главным образом из земель южных провинций — Амхары и Шоа. Именно домен был источником тех земельных пожалований, которыми царь вознаграждал своих вассалов за их службу. Здесь стоило бы привести очень, на наш взгляд, ценное наблюдение Алвариша, почему-то упущенное С. Б. Чернецовым из виду: «Мы узнали наверняка и видя это во многих местностях, что Пресвитер Иоанн владеет в большей части своих царств большими пашнями и землями, подобными королевским землям в наших краях. Эти земли, или царская вотчина, вспахиваются и засеваются его рабами с помощью его собственных быков»¹. Подробно рассматриваются в монографии процесс монастырской колонизации южных областей, протекавший параллельно с феодальным освоением их царской властью, а также конфликт, который был вызван столкновением этих двух сил. Под пером монастырских летописцев указанное противоборство приняло вид беззаконных гонений нечестивых царей на святую церковь. Как ни странно, монастырская традиция довольно прочно укоренилась и в научной историографии. Внимательный анализ источников позволил автору восстановить историческую истину, вскрыв экономическую подоплеку конфликта.

В главе «Реформы царя Зара Якоба. Предпосылки и сущность» автор рассматривает причины и сущность знаменитых государственных и церковных реформ 1434—1468 гг. Вызваны они были объективными потребностями общественного развития, требовавшими большей консолидации эфиопского государства перед лицом опасности со стороны все более усиливавшегося мусульманского султаната Адаль, который стал серьезным препятствием для распространения феодальных отношений вширь. Зара Якобу удалось прекратить церковный раскол между крупнейшими монастырскими конгрегациями (евстафианами и дабра-либаносцами), укрепить на время авторитет центральной власти, создать новую систему управления, которую автор называет «дворцово-вотчинной» (с. 115). В целом это была попытка установить самодержавную власть в пределах всего государства. Причины конечной неудачи Зара Якоба С. Б. Чернецов видит в отсутствии в тогдашней Эфиопии тех социальных сил, которые в Западной Европе в XV в. уже образовались (бюргеры и ремесленники). В книге указана еще одна важная причина отставания в развитии общественных отношений в Эфиопии, своеобразной консервации феодальных отношений. Это, по мнению автора, изолированность Эфиопии от мировой торговли, сохранявшаяся практически вплоть до середины XIX в.

В главе «Кризис эфиопской феодальной монархии в XVI в.» исследуются причины, а также внешние и внутренние предпосылки краха эфиопской феодальной монархии в XVI в. в результате мусульманского нашествия во главе с Ахмадом ибн-Ибрагимом ал-Гази. Главную причину кризиса автор видит в феодальной реакции на «централизаторские» усилия Зара Якоба, которая сказалась сразу же после смерти властного царя. Ослабление центральной власти, соперничество крупных феодалов, придворные интриги расшатывали эфиопское государство и ослабляли его военную мощь как раз в тот исторический момент, когда в водах Красного моря появился турецкий флот, а побережье Африканского Рога стало ареной морской войны между португальцами и турками.

Ввиду возраставшей угрозы эфиопский двор стал искать союзников, видя их, естественно, прежде всего в португальцах. Автор подробно излагает историю эфиопско-португальских отношений. Прослежено и внутреннее развитие мусульманских торговых

¹ Alvarez F. Narrative of the Portuguese Embassy to Abyssinia during the Years 1520—1527/Ed. Lord Staley of Alderly. L., 1881, p. 149.

городов-государств Африканского Рога. В них в связи с общим упадком блокированной португальцами красноморской торговли усиливаются позиции воинственных эмиров, опиравшихся на недовольные городские низы и воинственных кочевников (сомалийцев и афаров). С. Б. Чернецов показывает, как в этих условиях вызревала здесь идея *джихада* — священной войны против христианского царства.

Эта тема продолжается в главе «Разгром и возрождение эфиопской феодальной монархии в XVI в.». Здесь подробно анализируются причины военных поражений Эфиопской державы. Основную их причину автор видит в феодальной раздробленности эфиопского общества, в своего рода местничестве крупных феодалов и царских полков, расквартированных в различных областях державы, в слабости центральной власти. Подчеркивается (что, на наш взгляд, очень важно) огромное значение морального фактора, роковым образом сказавшегося на ходе событий. Глубокая апатия народа, который страдал от усиливавшегося гнета местных феодалов и опустошительных набегов мусульман, конечно, не способствовала военным успехам христианского воинства, массами переходившего в ислам. Тем не менее военные успехи мусульман не увенчались окончательным завоеванием Эфиопии и созданием мусульманского теократического государства, к чему, видимо, стремился имам Ахмад. Местного, эфиопского государственного аппарата, который можно было бы использовать, по существу не было. Собственного административного аппарата имам не мог создать; его военачальники после походов отсылали ему положенную часть добычи, но были совершенно неспособны к управлению. Расселенные со своими войнами по провинциям, они только грабили местное население, иногда безжалостно уничтожая его или продавая в рабство.

В этой же главе подробно изложена героическая эпопея португальской экспедиции Криштована де Гамы, предпринятой по просьбе эфиопского царя Лебна Денгеля. Автор отдает должное мужеству 400 португальцев, доказавших, что *малласев* (адальских воинов) можно одолеть, хотя окончательная победа эфиопов объясняется в книге «широким народным движением», которое действительно недооценивалось европейской и эфиопской историографией.

С гибелью имама в решающей битве 22 февраля 1543 г. военное могущество мусульман не было автоматически сломлено, но война, как подчеркивает автор, настолько ослабила самих мусульман, что они уже не смогли устоять под натиском надвигавшихся с юго-востока на Африканский Рог кочевых племен оромо, значительно изменивших этническую карту Эфиопии. В самой Эфиопии «краткий период объединения перед лицом общей опасности также подошел к концу» (с. 255). И лишь искусная внутренняя политика Сарца Денгеля (1563—1597 гг.), сумевшего сыграть на феодальных противоречиях, восстанавливает на время авторитет и могущество царской власти.

В заключение С. Б. Чернецов делает вывод о том, что к концу XVI в. в Эфиопии окончательно сформировались класс феодалов и основные группы феодально-зависимого населения, установился сюзеренитет царя, выработались разнообразные права и обязанности по вассалитету.

Несколько мелких замечаний.

1. Начало правления династии загвеев автор относит к 1137 г. Эта дата почему-то становится общепринятой в эфиопистике, хотя никакого серьезного документального обоснования она не имеет. Впервые предложил ее Конти-Россини в 1929 г. в своей «*Storia d'Etioria*» (р. 303), взяв за основу эфиопские источники, отводившие загвеем минимальный срок правления — 133 года. В других источниках время их правления определяется в 300, 330 лет и более. История загвеев еще слишком плохо изучена, чтобы без всяких оговорок принимать за начало их правления 1137 г.

2. Эфиопскому Абальзз соответствует арабское Абу-л-Изз, а не Абу-ль-Азиз (с. 36).

3. Вместо аль-Табризи (с. 135) следует писать ат-Табризи. Автору следует обратить больше внимания на правильную передачу арабских имен.

4. В передаче эфиопских имен (собственных и географических названий) автор, по его словам (с. 5), следовал Б. А. Тураеву. Особых возражений это не вызывает, хотя работа еще раз убеждает в необходимости выработки единой русской транскрипции для языков геэз и амхарского. Разной в существующих работах в этом отношении слишком велик.

В краткой рецензии невозможно, разумеется, дать исчерпывающую оценку исследования С. Б. Чернецова. Следовало бы, например, отметить оригинальную трактовку происхождения эфиопского «династического романа» XIV в. «Славы царей» (с. 35—41), глубокий анализ «евстафианства» и «ереси стефанитов» — движений, подспудный социальный характер которых по существу впервые выявлен автором (с. 85—99, 106—114), а также многие другие сюжеты.

Написана работа живым, образным языком. События в рамках теоретических построений изложены интересно, художественно.

Иллюстрации (перерисовки с эфиопских книжных миниатюр, выполненные художником Т. Л. Юзепчук) удачно подчеркивают тот национальный эфиопский колорит, который столь ярко проявляется в пространных выдержках из памятников эфиопской средневековой литературы.

Книга с удовольствием будет прочитана специалистами-востоковедами и широким кругом читателей, интересующихся судьбами дружественной нам страны. Хотелось бы надеяться, что автор продолжит свое исследование, доведя его до XIX в.

В. М. Платонов